

АЛЕКСАНДР Буднов

ИЗВЕСТНЫЙ
ФУТБОЛЬНЫЙ
АНАЛИТИК,
СОВЕТСКИЙ
ФУТБОЛИСТ

Александр Викторович Бубнов

Спартак: 7 лет строгого режима

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8612925

Спартак: 7 лет строгого режима / Александр Бубнов: Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-76366-5

Аннотация

Это книга о московском «Спартаке» 80-х годов. Ни одна советская команда той эпохи не показывала столь же зрелищной игры, как «Спартак». Ни одна в течение многих лет, пока ею руководили Константин Бесков и Николай Старостин, не попадала так же стабильно в призеры чемпионата СССР. И ни одна не пользовалась такой же безраздельной любовью у народа.

Однако за пределами футбольного поля «Спартак» был клубком противоречий. Игроки Бескова ненавидели, Старостин мечтал убрать его из клуба, а Бесков, «диктатор в бархатных перчатках», безжалостно вырубал любую ересь. И все это – во имя футбола, без которого ни Бесков, ни Старостин, ни игроки своей жизни не мыслили. И во имя «Спартака», играть за который было мечтой большинства советских футболистов.

Эта книга – честный рассказ о Бескове и Старостине, Черенкове и Гаврилове, Дасаеве и Романцеве и других спартаковцах на фоне советской жизни 80-х. Рассказ о непростых людях, вместе с которыми Александру Бубнову довелось в течение семи лет работать, играть и жить.

Содержание

Без экивоков, в лоб	4
От автора	6
Пролог	8
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Викторович Бубнов

Спартак: 7 лет строгого режима

Без экивоков, в лоб

Впервые я увидел и запомнил 18-летнего Александра Бубнова, побывав в 1974 году на международном турнире в Ташкенте, где юношеская сборная СССР заняла первое место. Играя в центре обороны, он выделялся своим высоченным ростом, мощностью, ошибок не допускал, и не было ничего удивительного в том, что его футбольная карьера сразу же пошла по возрастающей. Он стал чемпионом Европы в составе молодежной сборной, на протяжении пятнадцати сезонов выступал за столичные «Динамо» и «Спартак», трижды получал золотую медаль чемпиона страны, был обладателем Кубка Советского Союза, провел свыше сорока матчей за сборную СССР.

И теперь, читая его книгу, я словно бы вернулся в памяти на четыре десятилетия назад, в ту редакционную комнатку журнала, где я работал и куда пригласил молодого динамовского защитника Бубнова, чтобы взять у него интервью. Он пришел. Сел у моего стола, и тут начался театр одного актера. Я слушал монолог игрока, который он сам же и обозначил: «Не хочу жить по законам стаи». Бубнов отстаивал понимание своего места в команде, смело говорил о негативных явлениях в футболе. Тогда, в середине 70-х, это было нечто, нонсенс! И я сказал ему об этом. Мол, если ты, Саша, станешь и дальше высказываться в том же духе, не играть тебе на высшем уровне. Просто не дадут. Но он похлопал по своим могучим, обтянутым джинсами бедрам и, нисколько не сомневаясь в правоте сказанного, ответил: «Вот пока они меня держат (гул от этого похлопывания по бедрам, наверное, был слышен и в коридоре), я могу говорить все, что считаю нужным».

Много бурной футбольной воды утекло с тех пор, много случилось футбольных кораблекрушений. А игроки остались. Потому что у самых лучших из них доказательства всегда одни и те же – сама игра. На 50-летию Бубнова, в банкетном зале, я прочитал свое стихотворение, посвященное юбилею.

Александр Бубнову
Футбольные годы свистят,
Как в шторм паруса на мачтах.
Сегодня твои пятьдесят —
Эхо великих матчей,
Которые сыграны были
Под рев турбинный трибун.
Болельщики их не забыли,
И, значит, ты снова юн.
И годы не властны над вами,
Союзных времен игроки,
С известными всем именами,
И каждое — с красной строки.
Защитники, хавы, инсайды,
Отважные стражи ворот,
Мениски, ахиллы, офсайды, —
Вот так она, жизнь, и идет.
Но есть в этой жизни основа,

Которой не время в запас.
И так это здорово – снова
Увидеть здесь вместе всех вас:
Спартакoвских звезд и «Динамо»,
Любимцев огромной страны.
Живите, как прежде, упрямо,
Вы гениями рождены.
Хотя, извини уже, Буба,
Играл ты порою и грубо,
Но помня при этом о чести
Команды, в которой все вместе.
И удивляться не стоит
Тому, что характер бойца
В бесславные годы застоя
Выдерживаешь до конца.
Тому, что живешь и хохочешь
Над слабаками взхлеб.
И говоришь, что хочешь,
Без экивоков, в лоб.
Шторм сокрушает мачты,
Когда чует страх в груди.
Я верю, главные матчи
Еще у тебя впереди.

10 октября 2005 года

Нынешним его главным матчем можно назвать исповедальный монолог, развернутый в целую книгу, сохранившим страсть и интонацию Бубнова, когда словно бы видишь его жестикуляцию, слышишь ни с чем не сравнимый взрывной его смех, сотрясающий радио-эфир и телевизионную аудиторию.

Он говорил, и повторяет сегодня: «Я не пессимист и не оптимист. Я – реалист». Конфликт у Бубнова не с игроками и тренерами, которым он выставляет после матчей собственные оценки, расходящиеся со статистикой игры, шокирующие тех, кто их от него получает. В футболе он живет по самому строгому счету, не допускающему обтекаемых суждений, компьютерной жвачки в СМИ, разнузданности в социальных сетях. И те, кто не выдерживает таких претензий, даже после своего очередного «срыва изображения» – дома или за рубежом, возмущаются, ссылаются на сдвиг по фазе в его психике. А сам он, окончивший Высшую школу тренеров с красным дипломом, дававшим прежде право работать с самыми престижными командами и сборной страны, остался невостребованным специалистом в той стае, по законам которой жить не хочет. И не может.

Я прочитал его книгу не отрываясь, надеюсь на ее продолжение. Если к тому же воспринимать наш нынешний футбол как зрелище через призму мировых и европейских образцов.

Сергей ШМИТЬКО

От автора

Эта книга не о моей жизни. Хотя в ней немало подробностей моей биографии.

Эта книга не о футболе. Хотя с футболом связана вся моя жизнь.

Эта книга не о футбольном клубе «Спартак». Хотя за него я выступал в течение 7 лет. Эта книга о стране, где я родился и живу, о времени, на которое пришлась моя футбольная карьера, и о людях, с которыми мне довелось работать и играть.

Не претендую на то, что мой рассказ получится полным, непредвзятым и точным до мелочей. Что видел, что слышал, что чувствовал, о том и говорю – независимо от того, нравится это людям, о которых идет речь в этой книге, или нет.

Не боюсь, что меня станут обвинять в стукачестве. Особенно когда речь будет заходить о договорных играх. Технология «договорняка» мне прекрасно известна. Если ты отказывался его играть, тебя уничтожали. Причем и свои, и чужие. А если не могли уничтожить, ты навсегда становился врагом.

Так было и в «Спартаке», где меня пытались и оговорить, и подставить, и запачкать, чтобы, как они говорили, «не тявкал».

Но правду не скроешь, и рано или поздно она становится известной. И если «Динамо» или «Спартак» играли договорные матчи, рассказать об этом не стукачество. Советский футбол был таким, каким был.

Мне бы не хотелось, чтобы эта книга выглядела как оправдание кого-то или месть кому-то. Мол, все были в дерьме, и только я один в белом. Мне слишком много лет, чтобы оправдываться или мстить.

Кому-то может показаться, что я чужак-идеалист. Это не так. Просто всю жизнь не боялся конкуренции и всю жизнь стремился к хорошему. В спорте это мне здорово помогало, как помогало и в учебе. Двойку получил, значит, худший в классе, значит, надо исправляться.

Я всегда любил побеждать и не любил проигрывать. Это не значит, что не проигрывал, но всегда тяжело переживал поражения. И по жизни получилось так, что, во что бы ни играл, в основном побеждал. Может, потому, что, когда выходил на тренировки, не смотрел, как другие косят, а работал. Хотел совершенствоваться, хотел быть лучшим. И когда переходил из команды в команду, на первом месте стояли не меркантильные цели – что-то вырвать, а желание добиваться в спорте высоких результатов.

В принципе, когда идешь в большой спорт, идешь не ради денег, а ради результата. Деньги приходят сами собой, если есть результат. И по большому счету задачи, которые я перед собой ставил, играя за «Динамо», «Спартак» или сборную СССР, всегда выполнял.

Сегодня у меня другие задачи. Они тоже связаны с футболом, но они другие. Как и любой футболист-профессионал, я могу быть экспертом. Разбирать матчи, обсуждать тактические схемы, делать прогнозы. Но у меня есть еще красный диплом Высшей школы тренеров (ВШТ), и знания, полученные там, я использую не в практической деятельности, работая с командой, а в аналитической. И считаю это нормальным.

Профессиональный футбол сильно изменился по сравнению с 70—80-ми годами прошлого века, когда я играл за «Динамо» и «Спартак». Сегодня футболист заключает контракт, и есть результат или нет его, все равно деньги получает. Когда я шел в «Динамо» к Гавриилу Дмитриевичу Качалину и Льву Ивановичу Яшину, то хотел играть. И ни о деньгах, ни даже о своем будущем не думал. У меня вообще было ощущение, что я всю жизнь буду играть в футбол.

Сан Саныч Севидов, который сменил Качалина, меня тогда остудил. Сказал, что пока буду оставаться фанатом футбола, разбираться в нем не научусь. Он и Константин Иванович

Бесков дали мне практические знания, а теорию я изучал уже позже – в ВШТ. Благодаря этим великим тренерам я могу сегодня продолжать профессионально заниматься футболом.

У меня есть недостатки. Лучше всего о них может рассказать моя жена Зоя, вместе с которой мы прожили больше 30 лет и которая их прекрасно знает. Но поделаться ничем не может и принимает меня таким, как есть. Но знает она и о том, что у меня всегда была цель и я к ней шел.

В детстве была мечта сыграть за сборную СССР. Отец мне говорил: «Ты, Саша, дурак! В СССР живет 250 миллионов человек, а ты хочешь быть в числе 11, которые за сборную играют?!» Я не думал становиться чемпионом, просто хотел играть в хорошей команде и выступать за сборную. Сегодня я – один из немногих, кто становился чемпионом СССР в составе и «Динамо», и «Спартак».

В футбольном плане всего достиг. Жаловаться на судьбу не приходится. Она мне дала даже больше, чем надеялся. Но, наверное, судьба вознаграждает того, кто упрямо идет к своей цели. Если нет цели, наступает апатия. В моей жизни были периоды, когда мне не давали работать.

Чем только не занимался! Дом строил, ездил с ветеранами по стране, тренировал команду в Сарове. И пусть работал не на высшем уровне, не считаю, что что-то потерял. Напротив, даже приобрел по жизни. Футбол – это не только профессиональная деятельность, это еще и люди. Для меня жизнь – всегда вокруг футбола. И эта книга – взгляд на нее стороннего наблюдателя с высоты прожитых в футболе лет.

Часто сам себе задаю вопросы: а поступил бы по-другому, если бы была такая возможность? И всегда отвечаю «нет». Жизнь показала, что, даже если мои решения казались родственникам или друзьям непродуманными, в итоге я оказывался прав. Я интуитивно чувствовал свою правоту, потому что хорошо знал футбольный мир. Смотрел иногда даже не на год или два вперед, а лет на пять или, может, на десять.

Я всегда был склонен к анализу и, будучи еще игроком, старался анализировать. И сегодня, возвращаясь к событиям тридцатилетней давности, прихожу к выводу, что в принципе все делал правильно. Правда, иногда мне становится плохо, когда вспоминаю, какие рискованные решения принимал, ведь все могло закончиться трагически и для меня, и для моей семьи. Не знаю, какой бог меня оберегал, но мне везло. И в начале карьеры в какой-то степени везло, и на пике, и в конце.

Не разбогател? Никогда к деньгам не стремился, они сами собой приходили. Бывали и трудные периоды, но в это время меня всегда поддерживали моя жена Зоя и дети. Поддерживают и сегодня. Во многом благодаря им и появилась на свет эта книга. В ней я рассказываю о «Спартаке» 80-х годов прошлого века, о команде, игрой которой восхищались миллионы, и о людях, с которыми прожил в этой команде 7 лет. Рассказываю о том, чему сам был свидетелем.

Пролог

Я получил свободу от «Динамо», из которого в течение нескольких лет пытался перейти в «Спартак», после партийного собрания. Если кто забыл, Коммунистическая партия Советского Союза была «умом, честью и совестью эпохи». Все самые важные вопросы решались на партийных собраниях и в партийных кабинетах. В том числе и вопрос о моральном облике игрока московского «Динамо» Александра Бубнова. Руководство клуба было категорически против моего перехода в «Спартак», куда я стремился и куда меня звал Константин Иванович Бесков.

Меня обвинили во всех смертных грехах и решили добить на партийном собрании Центрального совета «Динамо», высшего руководящего органа всего спортивного общества. Но собрание пошло далеко не так, как хотелось главному тренеру футбольного «Динамо» Вячеславу Соловьеву. В итоге мне объявили выговор, что было равносильно отпущению грехов.

Из КПСС меня не исключили, но отправили служить в воинскую часть. Хотели еще помуровать. Но все равно это была победа. Исключение означало бы конец моей карьеры, волчий билет. Сегодня многие осуждают коммунистов советского времени. Но тогда в партию принимали лучших из лучших, если не брать в расчет проходимцев, которые через КПСС делали карьеру.

В данном случае партия меня спасла. Не будь я партийным, меня бы уничтожили в войсках. Как говорил мне один генерал: «Мы таких борзых, как ты, на Колыме раком ставили!» Тогда в спортивных структурах армии и МВД все было жестко – спортсмены носили воинские звания и подчинялись уставам. В профсоюзах, к которым относилось общество «Спартак», было иначе: хочешь, переходи в любую команду. И никто не делал из этого истории, хотя и принято было говорить о неблагодарности, измене и даже предательстве, потому что переходы ведущих футболистов еще не стали тогда столь же рядовым явлением, как сегодня.

Это была победа. Но она не давала мне свободы сразу. До свободы оставалось еще полгода, и, как ни странно, ее принесла мне смерть генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева, чей зять Юрий Чурбанов занимал пост заместителя министра МВД СССР и который лично был против моего ухода из «Динамо».

Забегая вперед, скажу, что из части меня выпустили буквально на следующий день после смерти Брежнева в ноябре 1982 года. Чурбанова вскоре арестовали. Не из-за меня, конечно, а по другим делам. Но даже после этого я не мог играть из-за пожизненной дисквалификации. Нужно было ее отменить. И здесь уже подключился Бесков. Константин Иванович развил бурную деятельность. Мне он ничего не говорил, это был не его стиль. Он не любил показывать, что к кому-то хорошо относится или что-то для кого-то делает.

В «Динамо» меня посадили на минимальные деньги – 80 рублей в месяц. Приходилось каждый день ездить на службу к 8 утра. Единственное, что смог сделать, начал тренироваться со «Спартаком». Ближе к вечеру в часть за мной приезжала машина и везла в Сокольники в спартаковский манеж. Бесков даже время начала тренировки перенес на более позднее, чтобы я мог работать вместе со всеми.

Кроме того, Бесков устроил меня на автобазу, чтобы была возможность выступать хотя бы за нее. Мне же нигде не разрешали играть! Чтобы, на худой конец, профессию получил. Это была автобаза Госбанка. Ее директор очень любил футбол и не пропускал ни одного матча. Все игроки ездили на «Волгах». Все – бывшие футболисты.

Тренировал команду знаменитый спартаковец Николай Паршин. Бесков попросил его ставить меня не только в оборону, но и на место опорного полузащитника, чтобы я получал игровую практику именно на этой позиции. Мы побеждали с крупными счетами, конкурен-

тов не было. Правда, играли на отвратительных полях, но для меня это значения не имело. Главное было играть.

На автобазе я пошел изучать устройство автомобиля и учиться вождению. Вызубрил всю матчасть, до винтика мог разобрать двигатель, но до вождения дело не дошло, потому что мне разрешили играть за «Спартак». Николай Петрович Старостин, начальник команды «Спартак», и Бесков подключили к моему делу Виктора Гришина, первого секретаря Московского горкома партии, который был болельщиком «Спартак» и через которого Дед и Бесков решали многие вопросы. «Дед» – было прозвище Старостина, которого также называли Чапаем. Первое прозвище мне нравилось больше.

Мне не хватило месяца, чтобы получить права. Даже немного сожалею, что так мало играл за автобазу. Да и среди работяг было интересно. Они знали меньше меня о футболе, но здорово разбирались в автомобилях, так что порой я чувствовал себя среди них дурак дураком.

На автобазе я много сам тренировался, делал зарядку, бегал кроссы. Лишнего веса не набрал. Поэтому, когда пришел в «Спартак», времени на адаптацию с точки зрения «физики» не потребовалось. Самым сложным оказалось перестроить мозги на спартаковский стиль игры, который создал и развивал Бесков. Но я шел именно к Бескову и был готов пахать день и ночь.

Глава 1

Бесков

За редким исключением мне везло с тренерами. Первого моего наставника звали Мурат Алексеевич Огоев. Он работал в Орджоникидзе, когда в составе местного «Спартака» блистали замечательные осетинские футболисты Нодар Папелашвили, Игорь Зазроев, Гарегин Будагян, Николай Худиев и другие.

Пока в 1970 году отец не купил телевизор, и я не увидел, как другие играют в футбол, они были моими кумирами и образцами для подражания. Вместе с другими детьми я ходил на них смотреть и на их примерах воспитывался.

Огоев нашел меня сам, когда приехал в нашу школу. Он все время ездил по школам и высматривал талантливых мальчишек, играющих в футбол. А я играл в него всегда, сколько себя помню. И когда наша семья жила на улице Тельмана, и когда переехала на улицу братьев Газдановых.

Школа находилась рядом с домом, а во дворе школы был стадион. И там мы гоняли мяч. Пока был маленьким, бегал со старшими. Мне кричали: «Саша! Выходи!» А мать отвечала: «Куда выходить? Он в детском саду!»

* * *

На Газдановых мы жили в пятиэтажном доме, который находился в окружении одноэтажных строений. Тот район назывался в народе «Вашингтон», потому что там было два пятиэтажных дома. Школа в «Вашингтоне» была новой и имела большую территорию. Находилась она на окраине Орджоникидзе, дальше начинался пустырь.

Футбольное поле этой школы было почти настоящим. Меньше по размерам, но с воротами. На уроках физкультуры физрук давал нам мяч, и мы гоняли его до потери сознания. Это он рассказал Огоеву, что у него есть неплохие пацаны.

Для проверки собрали команду из детей 1955 года рождения и устроили матч против сверстников, которые уже тренировались в футбольной секции на стадионе «Динамо». Конечно, они нас разгромили – голов семь забили, но и я забил два. Играл тогда в нападении. И из нашей команды в детско-юношескую спортивную школу «Юность» пригласили только меня.

«Юность» соперничала в те годы со «Спартаком». На их матчи народу собиралось не меньше, чем на игры дублеров «Спартака» (Орджоникидзе). Моя первая игра была как раз против «Спартака». Хотя Огоев взял меня как нападающего, играть пришлось в защите. И у меня получилось, да еще и с подключениями к атаке.

А мне было все равно, защита или нападение, потому что на улице приходилось играть на всех позициях. Наши матчи часто заканчивались драками. Не только команда на команду, но и улица на улицу. Дворовый футбол делал нас универсалами и учил биться. Если надо, в прямом смысле слова. Кроме того, я был крупнее и здоровее сверстников, и поэтому часто играл со старшими, учился у них.

В первой игре мне помогло то, что я хорошо знал лучшего нападающего «Спартака», который учился со мной в одной школе. Он с нами тоже играл, но был далеко не самым сильным. Конечно, я его быстренько прикрыл. А он, как увидел меня, даже испугался.

На поле я провел всего 15 минут. Случайно или нет, но тот парень попал мне по ноге, я наступил на мяч и, падая, вывихнул руку. Меня сразу посадили в машину и отвезли в

больницу. Я ехал, обливался холодным потом от боли, смотрел на свою вывернутую руку и думал, что скажет мать, которая была категорически против моего увлечения футболом.

Таким получился мой дебют. Достаточно поздний, потому что я учился уже в 5-м классе.

В больнице сказали, что ничего страшного не произошло. Сделали обезболивающий укол, вправили сустав и наложили лангету с гипсом. Месяц я с ней проходил. Тренироваться в полную силу не мог, но в занятиях участвовал. Огоев знал, что я учусь не только в обычной, но еще и в художественной школе, и подстроил под меня время начала тренировок. Одним словом, за уши втащил меня в организованный футбол.

Когда я пропускал тренировки из-за дополнительных занятий в школе, он непременно выяснял, в чем дело. Хотел, чтобы я постоянно тренировался. Бывало, отвозил меня домой после занятий на своем мотоцикле с коляской. Летом забирал в спортивный лагерь. Сам он в футбол играл слабо, но у него было высшее образование – окончил институт физкультуры – и нюх на таланты. Сегодня таких называют хорошими селекционерами.

В его тренировках не было ничего особенного. Но Огоев знал методику и работал не хуже более опытных спартаковских тренеров. Когда северо-осетинская команда «Юность», в которую я попал, выиграла в Павловском Посаде первенство РСФСР среди ДСШ, на меня обратили внимание известные в то время тренеры Владимир Гаврилов и Сергей Мосягин.

Я на этом турнире был признан лучшим защитником. Гаврилов работал тогда старшим тренером в знаменитом ростовском спортинтернате № 10, а также занимался вместе с Мосягиным юношескими сборными РСФСР. Оба много ездили по стране, особенно по югу Советского Союза, и искали талантливых детей. После Павловского Посада меня стали приглашать в сборные РСФСР, а потом и Советского Союза.

Тем временем Огоев сумел убедить моих родителей, что я должен играть в футбол. Много говорил и с матерью, и с отцом. Они подружились. Отец, сварщик по профессии, даже варил что-то для его мотоцикла. Гаврилов взял меня в интернат и там опекал. Мосягин много со мной занимался в юношеских сборных, а главный тренер ростовского СКА Йожеф Беца впервые пригласил на сборы с командой высшей лиги, когда я заканчивал спортинтернат. Гаврилов, Мосягин, Валентин Афонин, Николай Ефимов, Евгений Лядин, Казбек Туаев, Гавриил Качалин, Лев Яшин, Александр Севидов – вот люди, которые очень много сделали для меня как для молодого футболиста.

Бесков – это было уже другое. Я бы сказал, что Гаврилов и Мосягин – были школой. Качалин и Севидов – институтом. С Сан Санычем я стал чемпионом СССР, обладателем кубка страны, чемпионом Европы среди молодежных команд.

Севидов вообще мне был как второй отец. Помог устроиться в Москве, перевезти сюда родителей и учил жизни. Но Бесков был уже университетом.

* * *

После смерти Брежнева я из воинской части переехал на базу в Тарасовку. Начал участвовать в учебно-тренировочном процессе вместе со всей командой. Слушал все теоретические занятия в бесковском университете.

Это был особенный университет. Бесков часто брал футболистов из низших лиг, нередко с заметными техническими недостатками, и исправлял их. Фактически учил людей играть в футбол. Много объяснял на теоретических занятиях. Он вообще создавал особую атмосферу, которую, кроме него, удавалось создать, пожалуй, только Севидову.

Разница между Севидовым и Бесковым заключалась, в частности, в том, что Севидов собирал игроков уже сложившихся. Молодых, вроде Александра Новикова, Анатолия

Парова или меня, тоже подпускал, но все равно в «Динамо» приходили подготовленные игроки. Севидов их очень умело подтягивал с функциональной точки зрения. Тактические ошибки тоже разъяснял, но не разжевывал, как это делал Бесков. Тот действительно учил.

Если при Севидове я что-то делал хорошо на интуиции и таланте, то при Бескове понимал суть. Он как азбуку раскладывал и технику, и тактику. У него упражнения были как в школе. Севидов упражнения, которые улучшают технику, не практиковал. Бесков, например, ввел технический комплекс. Он был чем-то вроде гаммы для пианиста. И у Бескова, и у Севидова в тренировочном процессе использовались «квадраты», но у Бескова каждый «квадрат» имел собственную технико-тактическую направленность и особый смысл.

И никто не проводил таких разборов, как Бесков. У других тренеров был общий анализ, у Бескова – до мелочей. Поэтому я сидел на этих разборах, как студент, который слушает с открытым ртом лекцию профессора. Ничего подобного ни до Бескова, ни после него я не слышал. Сегодня, когда делаю разбор игры, уверенно чувствую себя и готов отстаивать свою точку зрения потому, что мои знания основаны на «лекциях» Бескова. Именно так он нам все рассказывал. И это было настолько убедительно и настолько отображало суть футбола, что с ним нельзя было не согласиться.

Я старался брать все лучшее и у других тренеров – Лобановского, Севидова, Симоняна. И когда меня сегодня спрашивают, какое право имею столь категорично судить игроков даже мирового уровня, отвечаю: «Во-первых, у меня были великие учителя. А во-вторых, в «Спартаке» я входил в тренерский совет». И у кого бы я ни играл – у Севидова, у Бескова, у Симоняна или у Лобановского, везде со мной советовались не только по тактике, но и спрашивали мнение по составу.

* * *

В свой первый сезон в «Спартаке» я жил на базе в Тарасовке потому, что дома маленькие дети, Саша и Лена, не давали возможности нормально отдохнуть и восстанавливаться. Как готовиться к тренировкам в однокомнатной квартире?!

Да и ездить было далеко с Водного стадиона до Сокольников. Кроме того, я вообще любил жить на базах. Когда пригласили в «Динамо», сразу попросил Яшина поселить меня не в служебной квартире в динамовском доме рядом с Петровским парком, а на базе в Новогорске.

Почему бы не жить на базе, если можно встать пораньше, сделать зарядку, подышать чистым воздухом? Питание там было отличное, а от корпуса до поля – минута неторопливым шагом.

Сезон 1982 года закончился. В Тарасовке состоялось награждение «Спартак», который занял тогда в чемпионате СССР третье место. При Бескове «Спартак» в 80-е годы вообще ниже тройки не опускался, кроме 1988 года, когда в команде случился раскол.

Награждение прошло очень скромно. Приехал кто-то из спорткомитета и из управления футболом. Собрались в зале, послушали поздравления. Потом раздали медали и отправились на банкет здесь же, в Тарасовке.

Кстати, на базе праздновали также свадьбы. Помню, гуляли на свадьбах Рината Дасаева и Евгения Кузнецова. Бесков хотел, чтобы все происходило у него на глазах, чтобы никто сильно не напивался. И самое главное, чтобы никто из посторонних не видел. Да и на базе было дешевле, чем в ресторане.

Осень 82-го и зима 83-го стали для меня подготовительным периодом, и этим я воспользовался в полной мере. Если бы мне сразу разрешили играть, было бы очень сложно приспособиться к спартаковской манере. Все, кто в «Спартаке» начинал сразу играть официальные матчи, не пройдя подготовительный период, в команде не задерживались. Может

быть, кроме Виктора Пасулько, который пришел из «Черноморца» в 1987 году. Да и Пасулько пришлось тяжело, хотя конкурента на его позицию не было.

У меня были. Бесков взял меня в качестве защитника. И хотя Вагиза Хидиятуллина в команде еще не было – он вырвался из цепких армейских лап только в 1986 году, Геннадий Морозов и Сергей Базулев играли очень неплохо. С другой стороны, в «Спартаке» не было хорошего опорного полузащитника, и Бесков отправил меня на эту позицию. Казалось бы, что тут особенного? С учетом того, что в «Динамо» я играл чуть ли не на всех позициях в обороне, да и в команде автобазы амплуа опорного было моим основным. Но в бесковский «Спартак» было очень тяжело влиться. Во-первых, надо было знать принципы игры. Во-вторых, надо было понимать теорию и требования Бескова. И, в-третьих, это все надо было отработать на тренировках.

* * *

Очень скоро я понял, что «Спартак» не сразу стал командой с неподражаемым комбинационным стилем. Юрию Гаврилову, Федору Черенкову, Сергею Родионову, Геннадию Морозову, Виктору Самохину, Евгению Кузнецову и многим другим годы потребовались, чтобы его освоить. «Спартак» заиграл в тот футбол, который так нравился публике и позволял побеждать лондонский «Арсенал», только лет через пять после прихода Бескова. А на свой лучший уровень вышел, когда заматерел Черенков.

Бесков, чтобы найти фирменную игру, добиться слаженности и взаимопонимания, поменял десятки футболистов, которые прошли через знаменитые спартаковские «квадраты». Это только кажется, что легко играть в «квадрат» в одно касание! В «Динамо» так не играли. Тренеры просто не давали таких заданий. Там в основном была игра в два касания.

А Бесков в технических квадратах два касания запрещал! У него даже двусторонние игры проходили в одно касание. Такого нигде, в том числе в киевском «Динамо», не было!

Бесков вообще заставлял футболистов выполнять очень сложные упражнения. А принципы игры по Бескову? Еще до приема мяча ты должен был знать, куда его отдашь. То есть ты не должен был открываться, если не знаешь, куда отдавать. Бесков все разжевывал. На его теоретических занятиях я чувствовал себя словно студент-первокурсник. Все внимательно слушал, и, хотя к тому времени уже был игроком сборной СССР, многих вещей не знал. Бесков, правда, говорил, что интуитивно их все же делал. И по мере того, как он раскрывал мне суть своего футбола, мне все легче становилось играть.

Бесков создавал тренерский совет из ведущих авторитетных игроков. Он сам их отбирал. Спрашивал мнение каждого, внимательно выслушивал. У него, конечно, были своя концепция и мнение по любому вопросу, но ему важно было узнать, что думают игроки. Ведь им же приходилось на поле воплощать то, что задумал тренер. Бесков заставлял игроков не просто механически готовиться к игре и тупо выполнять установку. Он требовал творческого отношения.

В «Спартаке» было заведено, что перед каждой игрой Федор Сергеевич Новиков, или другой второй тренер, раздавал листочки. На этом листочке каждый игрок должен был написать свой вариант состава, включив себя в него. И Бесков знал, чей это вариант, потому что листочки были именными.

Можно было предложить любой вариант. Мы в принципе знали тактические предпочтения Бескова. Хотя у него была гибкая модель, предполагающая взаимозаменяемость игроков, он всегда играл с двумя нападающими. Бесков делил команду на группы атаки и обороны. Он считал, что самая гармоничная тактическая схема – это 5–5. В атаке – 2 фор-

варда, 2 края и плеймейкер, в обороне – 4 защитника и опорник. При этом и центральные, и крайние защитники обязательно подключаются к атакам.

Если у соперника впереди один форвард, с ним остаются два защитника – один опекает, второй страхует. Остальные защитники подключаются к атаке. Если соперник играет в два нападающих, с ними остаются три защитника. То есть в защите должно быть на одного человека больше, чтобы нейтрализовать нападающих соперника.

Если же соперник закрывается, в атаке участвуют все. Созидают, обостряют, забивают, взаимозаменяются. Нет такого, что один атакует, а сзади четверо смотрят, что он делает! Если такое вдруг случалось, он спрашивал: «Что вы четверо здесь делаете? Почему стоите?» Это он считал тактической ошибкой.

* * *

Все вели дневники. Мы должны были следовать модельным показателям, определенным Бесковым. После каждого матча и разбора технико-тактических действий (ТТД) игроки записывали свои показатели в дневниках вместе с оценкой, выставленной Бесковым. То есть в дневнике появлялась запись: число, тур, матч, ТТД и оценка за игру. Дневники предназначались для внутреннего пользования.

Бесков ставил много «двоек», даже когда команда побеждала. Но в отчетных и бухгалтерских документах в случае выигрыша всегда фигурировали только «пятерки». В советское время существовала «уравниловка», то есть все получали одинаково. Игрок, вышедший на замену, получал столько же, сколько и тот, кто корячился весь матч. Разница была только в окладах, соответствовавших трем категориям. И хотя игроки основного состава могли получать неодинаковые зарплаты, разница не была принципиальной.

Существовали разные ведомости. По одной, в случае выигрыша, у всех игроков стояли «пятерки». Ведомость подписывал начальник команды Николай Петрович Старостин, а бухгалтерия выплачивала каждому по 72 рубля 60 копеек. По другой, в случае поражения, все получали «двойки». За них не было положено ничего. За ничью, независимо дома или на выезде, платили 50 процентов премиальных. С окладом, доплатами и премиальными иногда набегало до 1000 рублей в месяц, что в 80-е годы было совсем неплохим доходом.

На Украине, правда, платили гораздо больше. Так, за победу над дублем «Спартак» дублеры днепропетровского «Днепра» могли получить по 1000 рублей. То же самое – в Средней Азии. В Москве же бухгалтерия была более строгой. Поэтому Дед и ставил всем «пятерки». Первым в ведомости шел Бесков, затем Дед, затем тренеры и персонал и, наконец, футболисты.

Бесков выставял также оценки сразу после матча еще без учета ТТД. Их прямо в раздевалке записывал Новиков, и они учитывались по итогам года. Чем больше у тебя было хороших оценок, тем выше был средний балл. А чем выше средний балл, тем выше премиальные за чемпионство или призовые места. Иногда набегали вполне приличные суммы.

Когда заполняли листочки с составом, думали очень напряженно. Обычно писали тех, с кем удобнее или нравится играть. Друг ты или враг, значения не имело, потому что от выбора зависел результат и, как следствие, размер премиальных. Бесков эти листочки собирал и считал: сколько получается кандидатов на каждую позицию и сколько голосов они собрали. Он даже показывал: «Видишь, за тебя все проголосовали».

Если кто-то набирал мало голосов, рисковал в состав не попасть. Впрочем, Бесков мог и не принять результаты голосования, но выводы все равно делал. При плохом результате Бесков на виновных в поражении садился и не слезал. И каким бы другом я тебе ни был, в состав ты бы меня не включил, потому что Бесков потом мог снять стружку с обоих.

* * *

Матом он никогда не ругался, но мало кто мог выдержать его тяжелый взгляд. Я это испытал на себе, когда отношения между нами испортились. Бесков мог простить, но для этого надо было очень долго исправляться. И все равно осадок оставался, потому что до конца Бесков не прощал никого.

Он проявлял неприязнь, прежде всего, к тем, кто с ним не соглашался или начинал высказывать свою точку зрения. Если ты молчишь, признаешь свою вину и пашешь на тренировке, Бесков забывал. Он не терпел лишь инакомыслия и насмешек.

Правда, к ведущим игрокам было несколько иное отношение. Может быть, уважал, может быть, даже кого-то любил, хотя никогда этого не показывал. На разборах для него все были одинаковыми. Плохо сыграл, неважно кто ты – Гаврилов, Черенков, Дасаев или Бубнов. Сегодня ты для него Пеле, а завтра – дерьмо.

Многим это не нравилось. Да и с педагогической точки зрения было неправильно, потому что на этих разборах присутствовала молодежь. Бесков же не стеснялся в присутствии молодых игроков унижать ветеранов. Психологически это было очень тяжело выдерживать. Некоторые начинали огрызаться, спорить, но этого ни в коем случае нельзя было делать. Становилось только хуже.

Однако несколько игроков могли себе позволить не соглашаться с Бесковым. Дасаев, Хидиятуллин в культурной, но порой довольно резкой форме ему возражали. Гаврилов тоже мог возразить, но обычно переводил все в шутку. Это, правда, еще больше бесило Бескова. Он не любил, когда шутили на темы, которые он считал серьезными. Или, что еще хуже, над ним самим. Все прощалось только Владимиру Сочнову, который обладал удивительным даром пошутить, но никого не обидеть.

Черенков и Родионов молчали, что бы Бесков про них ни говорил. Но к обоим он относился достаточно бережно. У него существовала градация. Если Бесков нашел, пригласил и воспитал, к таким игрокам было более доброе отношение. Как к собственным детям: «если надо, накажу, но с любовью».

Если же игрок попадал в команду помимо Бескова, как я, например, который пусть и с его согласия, но пришел сам, здесь он в выражениях не стеснялся. Про меня, правда, говорили, что я его любимчик. Бесков действительно за меня бился, когда я играл еще в «Динамо». Но все равно дистанция между мной и ним чувствовалась.

По большому счету он никого к себе не подпускал. Качалин или Севидов могли приблизить к себе игрока, поговорить с ним по душам. Севидов, например, любил футболистов к себе домой приглашать. У Бескова я тоже дома бывал, но это не значило, что он как-то особенно ко мне относился. Некоторые пытались установить с ним близкие отношения, подхалимничали. Но Бесков чувствовал неискренность и не поддавался.

Мне кажется, Бесков таким стал не сразу. Не знаю, каким он был футболистом, говорят, сильным, однако как человека многие его не любили и даже ненавидели.

Бесков много общался с людьми из высшего советского руководства. При этом никогда не любил выступать на людях. Старался избегать собраний, а если приходилось туда идти, брал меня с собой. Я говорил, а он в это время готовил ответ на присланный ему вопрос. На заседаниях Федерации футбола и различных встречах отдувался Дед, который, напротив, любил собрания. Он умел там выступать.

Думаю, отношение Бескова к игрокам как к детям пошло из ФШМ (Футбольная школа молодежи), где он работал и где воспитал многих сильных футболистов. Когда ему начинали

возражать, ответ был очень простым: «Я 50 лет в футболе, поэтому помолчи и не говори мне того, чего сам не знаешь».

«50 лет в футболе» – это был его главный тезис. И нам оставалось только соглашаться, потому что мы знали, что у Бескова колоссальный багаж футбольных знаний, что он играл и общался с великими тренерами и игроками и что у него за спиной Высшая школа тренеров. И когда всякая шпана вроде нас, которая неизвестно откуда приехала, не умела играть и нарушала режим, начинала что-то мямлить, он ее ставил на место.

Чтобы ему возразить, ты должен был иметь свое мнение. Понимать суть вопроса. И, конечно, не бояться гнева Бескова. Когда Дасаев или Хидиятуллин говорили, что не согласны с ним, он предлагал им пройти к демонстрационной доске и высказаться. А потом все равно доказывал, что они не правы. Или так поворачивал дело.

Бесков, который серьезно относился к науке, пригласил было в «Спартак» Юрия Морозова, тренера с научной степенью, одного из тех, кто в составе научной группы института физкультуры разрабатывал систему ТТД. И вот однажды между Бесковым и Морозовым возникли на публике разногласия по поводу тактики. На следующий день Морозова убрали из команды. Он потом успешно работал вместе с Лобановским в сборной СССР и самостоятельно в питерском «Зените».

* * *

Со мной Бесков часто советовался по составу. Вызывал к себе и задавал конкретные вопросы. Я никогда перед ним не лицемерил и не юлил. Если был с ним не согласен, прямо ему об этом говорил и объяснял почему. Но в конце концов он все делал так, как считал нужным.

В «Спартаке» в тренерский совет входили Дасаев, Хидиятуллин, Гаврилов, Черенков, Родионов и я. Полкоманды. Состав совета периодически менялся. Если игрок попадал в опалу, Бесков его не приглашал. Так было, например, с Гавриловым. А в опалу можно было попасть из-за чего угодно, но в основном из-за плохой игры. Если ты играл хорошо, Бесков мог поднять тебя очень высоко. Беда в том, что с этой высоты было больно падать, когда отношение менялось. С одной стороны, мне это нравилось, потому что Бесков ни для кого не делал исключений. Все были равны. С другой – это было неправильно, потому что каждый игрок требовал к себе индивидуального подхода.

В «Спартаке» все признавали Бескова как тренера. Но как к человеку к нему было много претензий. Говорят, кто-то даже сказал ему на юбилее: «Вы – великий тренер, но как человек дерьмо». Дед так не говорил, но наверняка думал нечто подобное.

Думаю, такое раздвоение не позволило Бескову выиграть больше титулов. За 45 лет тренерской работы, причем с ведущими клубами, он одержал всего две победы в чемпионате СССР. Его боялись, но не уважали. Его называли «Барин». А если тренер барин, то игроки – холопы. Бесков умел уничтожать морально. Не словами, а действиями.

Были тренеры, которые наорут чуть ли не матом, а потом отойдут, и все как прежде. Бесков если невзлюбил – конец. Пока не сгноит, не остановится. Играть в такие моменты некомфортно. Все, что построено на страхе, не работает. Если ты боишься тренера, значит, на поле боишься ошибиться.

Помню, у меня был высший рейтинг в «Спартаке», а тоже боялся, как по минному полю шел. Это сковывало, ограничивало в творческом плане. Ты боялся лишний раз рискнуть, обострить. Перестраховывался там, где не надо было. Любая перестраховка ведь тоже имела предел. Нельзя было все время играть назад. По ТТД получались одни плюсы, а Бесков все равно был недоволен. Доходило до того, что, когда игра заканчивалась, я мог сказать, сколько

раз ошибся. Мне не нужны были разборы, я и так знал, хорошо сыграл или плохо. Мы, как компьютеры, все сами считали.

Показателен случай с тбилисским «Динамо». Ведем в Москве после первого тайма 2:0. А у Тбилиси состав, который взял Кубок кубков в 1981 году, – Кипиани, Шенгелия, Сулаквелидзе, Чивадзе, все игроки сборной СССР... Подходит ко мне во втором тайме Рамаз Шенгелия, против которого я играл персонально: «Буба! Хватит, скажи ребятам, чтобы больше не забивали. А то стыдно будет в Тбилиси на улице появиться». – «Рамаз! Ты думаешь, я смотрю на табло и вижу счет? Я считаю технико-тактические действия!»

В чемпионате СССР мне доводилось играть персонально против Олега Блохина, Александра Заварова, Давида Кипиани, Игоря Беланова, Олега Протасова, Виталия Старухина... И задача была не просто закрыть их, а выключить из игры. И это мне удавалось. Приклеивался так, что было не оторвать!

В «Спартаке» я стремился следовать принципам игры защитника. Одно касание и быстрый пас вперед. Сыграть чисто на перехвате, чтобы начать атаку, и чисто мяч отобрать. Не только сыграть головой после подачи с фланга или с углового, но еще и атаку начать. Я еще до подачи просматривал, кто свободный, кто будет открываться. Не просто позицию занимал, а старался выиграть мяч. Потому что если выиграю подачу, мне плюс. Своему отдам, еще плюс. Вперед отдам, вообще, то, что нужно.

А что видим сегодня? Одним касанием защитник принимает мяч, вторым подправляет, третьим отдает. А там уже все перекрыто! В «Спартаке» мы даже ударами с лёта начинали атаки. На тренировках было упражнение, когда два игрока становились поперек поля. Один делал длинную передачу, а второй одним касанием возвращал ему мяч точно в ноги.

Принципы игры мало знать в теории, надо еще уметь их технически воплотить на поле. Бесков не просто объяснял, что надо сделать так, так и так. Он давал упражнения, за счет которых ты доводил навыки до автоматизма и которые позволяли тебе применять принципы игры на практике.

Я спрашивал Бескова: «Константин Иванович! А почему так много «квадратов»?» – «Потому что каждый «квадрат» решает свою конкретную задачу», – отвечал он. То есть он знал, какой «квадрат» какую задачу решает и какова физическая нагрузка при его исполнении.

Когда ты играешь без ограничения количества касаний, это одно. Когда в два касания – другое. Когда в одно – третье. «Квадрат» мог быть большим, маленьким, узким, длинным, растянутым. Везде «квадрат» 4 в 2 (четверо пасуют, двое отбирают) играли в два касания. В «Спартаке» это было запрещено, только в одно. Причем, любой частью тела. Играли так, что люди падали от усталости, но мяч отобрать не могли. Дошли до того, что играли в касание по воздуху! Параллельно тренировали еще и удары по воротам на точность. И левой ногой, и правой.

А как эффектно смотрелось, когда партнер делал тебе передачу метров на шестьдесят, а ты с лёта в одно касание так же точно возвращал ему мяч! Когда мы в Киеве перед матчем так разминались, болельщики сначала замирали, а потом начинали хлопать!

* * *

Но все это стало привычным для меня через 2–3 года после прихода в «Спартак». А в 83-м казалось почти недостижимым уровнем. В «Спартаке» нужна была соответствующая функциональная и техническая подготовка, очень много приходилось двигаться. Слава богу, с функционалкой у меня все было нормально.

Хуже дело обстояло с адаптацией к игре в одно касание. В тактическом смысле в этом не было ничего нового для меня, но в «Спартаке» все были притерты друг к другу, понимали с полуслова. Ко мне понимание пришло через «квадраты». Опытные спартаковцы их как семечки шелкали, а я поначалу мучился. Но освоился достаточно быстро, а года через 2–3 уже получал удовольствие, играл с закрытыми глазами

Сегодня понимаю, через что прошел. А ведь многие хорошие футболисты так и не нашли себя в «Спартаке». Игра в одно касание – это и просто, и сложно одновременно. Годы уходили на ее освоение, но Бесков и тренировал, и учил. У него было на это время. А у меня на адаптацию времени не было, потому что я пришел в «Спартак» в 27 лет. Причем со скандалом – из «Динамо».

Чтобы о нем забыли, мне надо было сразу себя проявить. Я понимал, что если себя не проявлю, будет провал. Кроме того, не получу квартиру. И хотя материальное никогда не стояло для меня на первом месте, жить с двумя детьми в однокомнатной квартире было ой как непросто.

Когда перешел в «Спартак», готов был вкалывать так же, как в начале своей профессиональной карьеры. Словно вернулся на 10 лет назад, когда хотел себя проявить и сделать себе имя.

В «Спартаке» все, конечно, знали, кто я такой. Многие выходили против меня на поле, с некоторыми мы встречались в сборной. Но нужно было себя по-новому преподнести, заново себя проявить. И сделать это в команде, где требования были значительно выше, чем в «Динамо». Одно дело, когда тебя никто не знает и ты начинаешь с нуля, и другое – когда тебя знают все и многого от тебя ждут.

И Бесков знал и ждал, и все ждали. Многие – чтобы я провалился. Одним словом, пресс был сумасшедшим. Мое положение осложнялось еще и тем, что далеко не вся пресса была доброжелательной. Немало журналистов выступало на стороне «Динамо», постоянно напоминая, что я уходил оттуда со скандалом. Но я был готов к давлению. И только позже понял, насколько велики были риск и вероятность провалиться.

Если бы меня сразу заявили за команду, я бы не справился. Не хватило бы практики. А так получил полугодовую фору и в первый раз вышел на поле в составе «Спартака» лишь в июне. Сейчас хорошо понимаю, что это меня спасло. Этих шести месяцев мне хватило, чтобы понять суть спартаковской игры и вписаться в команду. Не освоить ее, не довести до автоматизма, а лишь понять. И на 100 процентов своим в «Спартаке» стал себя чувствовать только через год. В начале было лишь огромное желание и сумасшедший настрой.

* * *

В 1983 году «Спартак» стартовал плохо, чуть ли не на последнем месте шел какое-то время. И так совпало, что с моим приходом он стал подниматься, а во втором круге мы выдали беспроигрышную серию из 14 матчей. Жаль, на финише сгорели минскому «Динамо» и «Днепру» и в итоге заняли второе место. За серебро чемпионата СССР в «Спартаке» квартирами или машинами не награждали. Но никто и не просил.

Победа над «Днепром», от которого мы отставали на 2 очка перед последним туром, давала нам шанс на золотой матч. Я ту встречу не доиграл – получил травму при счете 1:2. Олег Таран замочил мне по ногам. Мы проиграли 2:4. В результате я еще и не поехал со сборной в Португалию на отборочный матч чемпионата Европы.

Было приятно, что Валерий Лобановский начал вызывать меня в сборную, хотя за «Спартак» я сыграл всего ничего. Причем Лобановского я сильно удивил на первом же сборе. Он постоянно тестировал функциональное состояние игроков. А я до «Спартака» полтора

года не играл. Но когда врачи сборной протестировали меня перед матчем с поляками, оказалось, что я в полном порядке.

После тестирования ко мне подошел руководитель научной бригады Евгений Скоморохов, который работал у Лобановского: «Валерий Васильевич интересуется, как ты, не играя полтора года, не находясь в команде, имеешь показатели выше, чем когда играл в сборной раньше?» Отвечаю: «Не пил, не курил и соблюдал спортивный режим». С поляками, правда, Лобановский меня не выпустил.

На следующий день было собрание команды, на котором Лобановский вынес результаты тестирования на общее обсуждение. Он сделал это в чисто воспитательном плане, чтобы показать, как можно соблюдать режим, даже не играя.

Лобановский говорит: «Есть человек, который очень любит футбол. Он полтора года в него не играл, но имеет лучшие показатели». А у меня действительно оказались лучшие показатели среди всех сборников. И тут Олег Блохин и Александр Чивадзе так на меня посмотрели, что мне даже неудобно стало. И хотя я с ними вместе играл, пользовался их уважением, но все равно было неловко. Я тогда понял, что, даже когда нет возможности, можно самостоятельно поддерживать форму. Было бы желание. И будешь в порядке, даже не играя полтора года на высоком уровне.

* * *

Как ни странно, из истории с дисквалификацией я сумел извлечь для себя выгоду. Была, правда, опасность впасть в депрессию или начать комплексовать, но я ее избежал. Просто переключился на другую жизнь. К моменту дисквалификации я уже девять лет играл в «Динамо». И с учетом того, что начинал в 16 лет в Орджоникидзе, имел 11-летний футбольный стаж.

Одиннадцать лет – это много. Я устал. Очень сильно устал. И за время дисквалификации пусть не играл, зато отдохнул. Не могу сказать, что видел тогда перед собой радужную перспективу. Мог бы и не заиграть спустя полтора года. Но я был твердо уверен в своей правоте и во что бы то ни стало хотел оказаться в «Спартаке» у Бескова.

Пойди я другой дорогой, уступи давлению «Динамо», результат оказался бы плохим. Не сомневаюсь в этом. В «Динамо» не было перспектив для роста, там был тупик, из которого надо было выходить. А я всегда стремился к прогрессу. Но смотрел на себя со стороны и понимал, что это ненормально, когда футболист в 27 лет, то есть в самом соку, уже не хочет играть в футбол. Потому и принял столь серьезное решение, чтобы подняться выше. Психологически это было очень тяжело, потому что существовал риск выпасть из обоймы и вообще завершить карьеру.

Нагрузки, нервотрепка, женитьба – все навалилось сразу. В тот год отдых мне был нужен обязательно, и я это понял спустя уже много лет. Иногда необходимо взять паузу в карьере. Не дай бог, конечно, из-за травмы. Это совсем другое. Я-то был здоровым, если не считать небольшой травмы колена. Известный врач Евгения Васильевна Богуцкая предупредила меня, чтобы ни в коем случае не играл, иначе могу сломаться. Но потом колено почистили, привели в порядок, и о травме я забыл. На всякий случай взял у Богуцкой справку, чтобы в «Динамо» меня не обвинили в том, что кошу от тренировок и игр.

За полтора года я отдохнул. Набрался сил, многое переосмыслил. Появилась мотивация. Очень хорошо понимаю Лионеля Месси, который сейчас, думаю, попал в такую же ситуацию. Дать ему годик-полтора отдохнуть, будет другой Месси. А если продолжать его грузить, сломается в конце концов, как когда-то бразилец Роналдо. Правда, кто ему даст эту передышку...

На пользу пошла и смена клуба. У «Спартака» был более высокий уровень по сравнению с «Динамо». Все это в совокупности и определило то, что после ухода из «Динамо» я еще семь лет играл в «Спартаке» и два года во Франции. А когда с детства идешь в бешеном темпе, не можешь ни остановиться, ни оглянуться, ни передохнуть, это, как правило, заканчивается травмами, даже если соблюдаешь режим.

«Спартакowski» уклад того времени сильно отличался от «динамовского». Конечно, у Севидова тоже были тяжелые тренировки, дисциплина и порядок, но Бесков проводил еще и содержательные теоретические занятия. И их было много.

«Спартак», как и другие команды, жил недельным циклом. После матчей, как правило, Бесков отпускал всех по домам. Если в следующем туре предстояла сложная игра, возвращались на базу. Бесков не верил, что игроки будут соблюдать режим.

Однажды надежные люди сообщили ему, что на квартире Рината Дасаева собрался народ, устроили бардак, музыка гремит на весь дом. Бесков приехал, позвонил в дверь, но Дасаев ему не открыл. Спрашиваю Бескова: «И что, вы ничего не могли сделать?» – «А что я мог, это же вмешательство в частную жизнь». И как будто ничего и не было.

Не знаю, разговаривал ли потом Бесков с Дасаевым, но он всегда давал ему понять, что в курсе его загулов, хотя Дасаев все делал по-хитрому. Дасаев собирал вокруг себя игроков. Черенкова, Позднякова, Морозова, Родионова – они все вместе еще со школы были. Покуривали, хотя Родионов клялся Бескову, что сигареты во рту не держал. Я этого никогда не понимал. Клясться вообще грех. И тем более, зачем клясться, если тренеры все равно знают, что ты куришь? Скажи по-честному, и все будет нормально. Но Родионов, видимо, считал по-другому.

В команде не только курили, но и поддавали. Однако поддавать можно по-разному. Не ночью же пить! Я ложился спать в 10 вечера, а Дасаев только начинал собирать народ на пьянку. Именно так он сплавивал коллектив!

Да, коллектив получался сплоченным, но как! Ладно бы Дасаев играл с ними в поле, но он был вратарем, а у вратарей своя специфика, и на них нарушения режима не так сказывались, как на полевых игроках. И все равно они за него стеной стояли.

Бесков придумал свой распорядок. После матча команда возвращалась на базу. Не всегда, но довольно часто. В таких случаях Бесков был спокоен за питание. В Тарасовке всегда готовили вкусно и следили за соблюдением спортивного рациона.

Питанию Бесков придавал очень большое значение и сам его контролировал. Докторам сильно от него доставалось, если что-то было не по рациону или, не дай бог, несвежее. У Старостина была возможность доставать дефицитные в советское время продукты. На складе в Тарасовке хранилась даже черная икра. Сам видел.

Бесков не часто оставался на базе вместе с нами. Но ситуацию всегда контролировал Федор Сергеевич Новиков. Это были глаза и уши Бескова. Стучал по полной программе! Мог сдать за малейшее нарушение. Но Бесков для этого его и оставлял. Утром все обязательно шли в баню, на массаж и процедуры, затем завтракали, и день отдыха практически сжирался.

То есть Бесков специально делал так, чтобы игроки никуда рвануть не могли. Хотя допускал, что с женами, кто женат, постараются повидаться. Неженатые бежали к подругам или проституткам. Гаврилов, если его домой отпустить, мог ящик пива выпить. Он вообще как воду его пил. На взвешивании иногда оказывалось, что Юра весит на полтора-два килограмма больше, чем весил до матча, за время которого должен был потерять 2–3 кило!

После дня отдыха начинался недельный цикл. Бесков устраивал 2–3 тренировки в день, а не 1–2, как в других командах. Это было необходимо для того, чтобы обучать игроков.

Бесков еще со времен ФШМ хорошо знал методику подготовки молодежи и многое из нее использовал в работе на высшем уровне.

В «Спартак» порой приходили талантливые игроки, имевшие громадные пробелы в футбольном образовании. Я сам чувствовал, что многого не знаю. Бесков, который не имел возможности приглашать в «Спартак» лучших, брал по остаточному принципу из команд первой и второй лиг. Так в «Спартаке» появился, например, Георгий Ярцев, выступавший в Костроме, или Сергей Шавло из рижской «Даугавы». Да и не только они. Бесков видел в них потенциал, который надо было раскрыть. И он знал, как это сделать, знал методику обучения. Когда у игрока пробелы в технике, его учить надо. Тренировать нельзя, потому что пользы не будет. А где взять время? За одно занятие натренировать и научить не получалось.

Бесков это понимал, поэтому ввел трехразовые тренировки. Правда, зарядка тоже считалась тренировкой. На зарядке по желанию могли работать над техникой, над атлетизмом, но для всех был обязателен легкоатлетический комплекс.

Первую тренировку Бесков, как правило, посвящал технике. Техника – это практически обучение. Работа над ней сопровождается малыми и средними нагрузками. «Квадраты», удары по воротам, элементарные комбинации – все упражнения были связаны с техникой.

Обязательно выполняли технический комплекс, который Бесков сам придумал. В него входили все технические элементы, которые есть в футболе, кроме дриблинга. Его вообще делали перед каждой тренировкой в качестве разминки. Это был универсальный набор упражнений, через который футболиста можно было готовить не только технически, но и функционально. То есть давать нагрузки.

Все зависело от расстояния. Можно было упражнения выполнять от штрафной площадки до центра, можно было поперек поля, а можно – от линии ворот до линии ворот. И самое главное, чем больше увеличивалось расстояние при выполнении технического комплекса, тем больше становилось количество повторений.

Бесков требовал безукоризненно чистого технического выполнения упражнений и внимательно за этим следил. Если видел, что игрок часто бежит за мячом, значит, допускает технический брак. Он добивался не только чистоты и автоматизма, но и высокой скорости выполнения упражнений.

Чаще всего я работал в паре с Гавриловым, хотя он был плеймейкером, одним из самых техничных игроков, а я защитником. Технический комплекс мы выполняли быстрее всех. От линии ворот до линии ворот обгоняли даже Черенкова с Родионовым. И темп задавал не столько Гаврилов, сколько я.

Я вообще стремился все делать быстрее, а Гаврилов просто не ошибался. В первый мой год в «Спартаке» Бесков смотрел и удивлялся, как защитник может так быстро прибавлять.

Первая тренировка на технику длилась час, не больше. И на ней, как правило, не было серьезных нагрузок. А вот вечернее занятие могло продолжаться и полтора, и два часа. В соревновательный период Бесков старался проводить интенсивные тренировки, время сокращалось до 45 минут – 1 часа. Иногда играли «двусторонки» по 2 часа, тайм – час. Если тебя хватало на 2 часа, то есть на матч с дополнительным временем, на полтора хватит тем более. Таким образом Бесков создавал у команды запас прочности. У него было не так много упражнений, как, например, у Эдуарда Малафеева, с которым мне довелось работать в сборной СССР. Но все они были футбольными, тесно связанными с игрой. Давно доказано, что лучшая тренировка – это игра. А лучшие упражнения – те, что максимально к ней приближены.

Но Бесков не только максимально приближал их к игре, он их максимально усложнял. Например, играли в одно или два касания. При этом нельзя отдавать пас назад, только вперед.

Или «квадрат» на полполя без вратарей. Ворота – во всю ширину поля. Играли в два касания, и нужно было мяч остановить на линии этих как бы ворот.

Бесков стоял и внимательно за всем наблюдал. Он учил нас не только закрывать своего игрока, но и страховать при этом партнера! С учетом того, что Бесков давал игру в два касания, а в этом случае особо не обведешь, надо было сразу отдавать пас.

Быстро открылся, быстро принял, быстро отдал – все это была игра по Бескову. Как правило, играли нападающие с плеймейкером против защитников с опорным хавом. Сначала защитники учились обороняться, а нападающие – атаковать. Потом наоборот – защитники атаковали, а нападающие оборонялись. Именно поэтому в «Спартаке» все умели обороняться и все – атаковать.

Упражнение под названием «взятие бровки» выполняли в одно, два или сколько хочешь касаний. Последний вариант был наиболее сложным, потому что разрешался дриблинг. И Бесков требовал все время играть вперед на свободного, и каждый должен был уметь открываться впереди. Если видел ошибку, мог остановить тренировку, невзирая на то, что это методически неправильно. Такое допустимо только на занятиях у детей. Но Бесков подходил к методике творчески, и если видел грубую ошибку, обязательно объяснял, что не так и как это исправить. Если было нужно, игроков двигал по полю!

* * *

Мы часто ставили ворота поперек или в полполя, что повышало интенсивность ударов и давало возможность вратарям чаще пробовать себя в ближнем бою. Но принципы сохранялись – одно-два касания. Мы мяч сзади вообще не катали, только вперед. Бесков требовал от защитников быстро освобождаться от мяча, от игроков атаки – быстро открываться, и от всех – точности в передачах.

Задача моя и других защитников состояла в том, чтобы отдать мяч как можно быстрее свободным Гаврилову или Черенкову. Если они не успевали открыться, Бесков тут же останавливал тренировку и выговаривал им. Я, отдав пас Гаврилову, должен был под него на всякий случай подстроиться. Как атаковать, он решал сам, но не через меня. В то же время мы все могли подключаться, если возникали свободные зоны. Отрабатывали также взаимозаменяемость.

Некоторые тренировки и двусторонние игры Бесков снимал на видео и потом разбирал. За тренировки ставились оценки. У него был даже специальный журнал. И неприятно было услышать от Бескова: «Буба! Что-то ты сегодня слабенько тренировался». «Двоек» было полно, но лично я ни разу от Бескова «неудов» не получал. А вот «тройки» были. Большинство же вообще на «тройки» тренировалось. Не потому, что плохо работали, тем более что «тройка» – это «удовлетворительно». Просто Бесков всегда оценивал очень строго.

Я никогда не сачковал, но если по той или иной причине – устал или перегружился – работал не так интенсивно и качественно, как обычно, Бесков сразу ставил «тройку». В то же время он чувствовал, что что-то не так, и нагрузки снижал. Говорил, пошли в баскетбольчик поиграем или в лесу побегаем. Летом часто купались. По указанию Бескова медики брали у нас кровь, проверяли, кто «закислился», а кто нет. С учетом этой информации он рассчитывал дальнейшие нагрузки.

Бесков любил тренерскую профессию всей душой, но в то же время был по натуре человеком подозрительным. Мне кажется, он не сразу стал таким, это его жизнь так сильно побила в свое время, когда он играл в «Динамо», которое курировал всемогущий Лаврентий

Берия. Уже после Берии его сняли с поста старшего тренера сборной за второе место на чемпионате Европы.

И как не стать подозрительным, если, как рассказывают, Валерий Маслов с Виктором Аничкиным и Геннадием Еврюжихиным в 1970 году сдали золотой матч ЦСКА! Об этом нам при каждом удобном случае напоминал Бесков. Правда, никто и никогда этого не доказал...

Бескова можно было использовать, если в нужный момент вбросить нужную информацию. Он верил, и этим пользовались его враги и интриганы. Меня удивляла доверчивость Бескова. Он, с его возможностями и опытом, должен был понимать, что любая информация требует проверки, насколько достоверной она бы ни казалась. И уже потом действовать.

А Бесков часто принимал решения, ничего не проверив. Из-за этого многие страдали, да и он сам тоже, потому что отношение к нему со стороны игроков нельзя было назвать добрым. Подозрительность Бескова была связана еще и с тем, что он не слишком верил в профессионализм большинства футболистов, при первой возможности нарушающих режим. А многим элементарно не доверял.

В Киеве режим тоже нарушали, гуляли так, что москвичам и не снилось. Но в киевское «Динамо» отбирали по принципу «лучшие из лучших», и здоровье у всех было лошадиное. До поры до времени они могли тренироваться и играть на предельных нагрузках, даже не будучи трезвенниками. И Лобановский с ними как-то справлялся. У него в отличие от Бескова был к каждому свой подход. И если Бескова называли Баринем, то Лобановского – Папой.

Мне рассказывали, что перед чемпионатом Европы 1988 года защитник киевлян Анатолий Демьяненко приехал на сбор в Италию в составе сборной СССР с лишним весом. Лобановский не стал устраивать ему разнос, как сделал бы Бесков. Он лишь заставил его играть два раза в день контрольные матчи. Лобановский разделил сборную на две команды. Так Демьяненко играл за ту и за другую, то есть по сравнению с остальными получал двойную нагрузку!

Но не жаловался. Для него Лобановский все равно был Папой. Футболисты обращались к нему Василич, а не Валерий Васильевич. Кроме молодых, конечно. Не могу себе представить, что к Бескову можно было обратиться «Иваныч».

Я потом интересовался у украинских футболистов, почему так было. Демьяненко считал, что Лобановский спрашивал очень жестко, даже жестче, чем Бесков. Но манера разговора у него была иной. Если у Бескова все было серьезно, то у Лобановского с юмором. И киевляне могли ему так же с юмором отвечать. У Бескова юмор грозил отчислением!

Владимир Бессонов, один из лучших полузащитников в истории советского футбола, рассказывал мне, что Лобановский при всей его жесткости и упрямстве был блестящим психологом. Знал, что, когда и кому позволить. И это шло на пользу команде.

Еще у Лобановского была поставлена на конвейер система контроля и восстановления состояния каждого футболиста. В Киеве никого не щадили: «Хочешь пить или курить – ради бога. Но грузить мы тебя будем все равно. Не потянешь нагрузки – до свидания».

* * *

Бесков об этом знал, но начинал беспокоиться только тогда, когда падали результаты. В Тарасовку приезжал представитель научной группы, который брал у нас анализ крови. Это было элементарное тестирование, сильно отличающееся от тестирования, например, в сборной.

Когда мы приезжали к Лобановскому, нас полностью обследовали. Утром натошак, днем под нагрузкой, вечером в покое. Лобановский без науки и шага не делал, а у Бескова

никакой системы не было, он доверял своей интуиции, опыту и наблюдениям и уже на их основе делал выводы. Однако все это не мешало Бескову регулярно обыгрывать Лобановского.

Применение фармакологических препаратов тоже было поставлено в Киеве на самый высокий уровень. Перед чемпионатом мира 1986 года, в котором мне довелось участвовать, все проходили допинг-контроль, чтобы поехать в Мексику чистыми. Киевлян так прокалывали, что к соревнованиям весь допинг выходил. Правда, тогда еще не было такой чувствительной аппаратуры, как сегодня, которая позволяла бы обнаружить следы применения допинга.

Все это в Киеве тщательно скрывали. И когда уже в российское время я упомянул о допинге в «Динамо» в одном из интервью, Демьяненко мне очень резко ответил, мол, Буба умом тронулся. Но что было, то было. По медицине Бесков уступал Лобановскому, у которого все было поставлено на широкую ногу. На «Динамо» институты работали!

Более того, в Киеве знали, как и кого колоть. Когда я уже был в Париже, разговаривал с Владимиром Малютой, врачом киевского «Динамо», он мне сказал, что они знали даже, кому вообще нельзя давать стимуляторы.

В «Спартаке» без разрешения Бескова доктор ничего не мог сделать. Поэтому, когда меня позвал наш врач и предложил уколиться, я был, мягко говоря, сильно удивлен. Точно знал от своих знакомых докторов, что допинг нельзя принимать ни в коем случае, потому что рано или поздно это скажется на здоровье. Меня удивило и то, что, по словам врача, у него была проверенная программа. Сказал, чтобы я не боялся, что все будет вычищено и что допинг вроде как и не вреден.

Я категорически отказался, но понял, что врач все делал с санкции Бескова. Правда, Константин Иванович, который в принципе был против допинга, сделал все по-хитрому. Он, видимо, сказал доктору колоть только тех, кто согласен. И не настаивать, если кто-то будет против. Бесков, конечно, знал о применении допинга в Киеве. По сути, «Динамо» и «Спартак» оказывались в неравных условиях. И как Бесков мог бороться с «Динамо», если там использовали фармакологию, а мы шли на собственном ресурсе? Задачу побеждать в чемпионате СССР, стоящую перед ним, никто ведь не отменял.

Я от допинга отказался, но в тот момент даже не подумал, что другие могли согласиться. И когда у Феди Черенкова начались проблемы с психикой, невольно закралась мысль, а не в допинге ли причина. Федя же носился как угорелый. Мог ли допинг дать побочный эффект? Всяко могло быть.

Проблемы Феди стали проблемами для всей команды, потому что к 1986 году в «Спартаке» уже не было Гаврилова, который поссорился с Бесковым. Его хотя бы по этой причине не следовало убирать. Но Бесков рассчитывал на полузащитника Сергея Новикова, который должен был заменить Гаврилова. Однако Юра оказался незаменимым. На мой взгляд, это была серьезная ошибка Бескова, который поддался уговорам Федора Сергеевича Новикова, считавшего своего однофамильца будущей звездой советского футбола. Конечно, никакой звездой тот не стал, но среди нарушителей режима был не последним.

Вообще, было странно, что принимать допинг предложили мне, одному из самых выносливых в команде. Но потом я понял, что ничего случайного в этом не было. В отличие от Киева, где нагрузка распределялась более-менее равномерно между игроками, «Спартак» тянули 5–6 человек, в том числе и я.

И мы работали на максимуме, что на тренировках, что в играх. Чуть расслабишься, Бесков уже спрашивает: «Почему так плохо тренируешься?» Его мало интересовало, что футболист мог просто устать.

В клубах использовали не только допинг, но и разрешенные стимулирующие препараты. Без них невозможно было бы выдержать сверхвысокие нагрузки. Эффект удивительный! Ноги сами бегут, не можешь остановиться! 90 минут бегаешь и не устаешь! И все время находишься в состоянии возбуждения.

Помню, осенью 1987 года играли с дрезденским «Динамо». В то время это была очень сильная команда, за нее еще молодой Матиас Заммер, будущий обладатель «Золотого мяча», выступал. В Москве мы немцев обыграли 3:0. Я еще удивился, что получилось так легко – за «Динамо» играло полсборной ГДР.

Приезжаем в Дрезден. Размялись перед началом матча и стоим в проходе под трибунами, ждем выхода на поле. Появляются немцы. Смотрю, а у них глаза горят и чуть ли не пена идет изо рта! Ногами бьют. Я понял, что стимуляторов нажрались. И как они стали нас гонять!

Но мы выстояли, всего 0:1 проиграли.

Когда Лобановский перед матчем сборной СССР против ГДР меня спросил, как немцы играют, я рассказал, что модель игры у команды та же, что у «Динамо» (Дрезден). Говорю: «Немцы только через фланги играют. Закроешь им фланги, и они не знают, что делать. Через центр игры у них нет». А дальше поделился впечатлениями о горящих немецких глазах.

Лобановский сразу насторожился и обратился к своим помощникам Морозову и Мосягину и начальнику команды Симоняну: «А почему у меня этой информации нет? Надо это обязательно учесть».

Из-за допинга, как и за «договорняки», Бесков Лобановского недолюбливал. Не могу сказать, что недооценивал. Конечно, он признавал, что Лобановский выдающийся тренер. И Бесков не уставал повторять, что основной для нас тест в чемпионате СССР – это игры с киевским «Динамо». Причем в Киеве. Говорил: «Как вы с Киевом сыграете, такая вам и оценка». За семь лет, что я выступал за «Спартак», мы в Киеве только один раз проиграли. Прикладывали киевлян так, как никто и никогда не прикладывал!

* * *

Но все это было впереди. А в конце 1982 года я только пришел в «Спартак», в котором уже не было Хидиятуллина и Романцева и в котором мне после полутора лет вынужденного простоя из-за дисквалификации предстояло начинать с нуля. А для этого надо было поставить себя в команде. Одно дело – добиться уважения к себе на поле, и другое – за его пределами.

Я еще не был заявлен за команду, но уже жил в Тарасовке. И первым игроком «Спартак», с которым у меня случился конфликт, был Борис Поздняков. Одаренный и талантливый, он уже в молодости прилично выпивал. В этом был профессионалом! Еще он любил других выставить дураками. Особенно доставалось от него Морозову. Но в итоге сам оказался в дураках, потому что Морозов за счет трудолюбия пробился в национальную команду, а Поздняков дальше олимпийской сборной не пошел. Допился до того, что Эдуард Малафеев его сам из команды убрал...

На базе в Тарасовке было старое здание, где находился бильярд. Что-то вроде клуба, где еще кино показывали и концерты устраивали. Это было время, когда болельщики специально на электричках приезжали тренировки смотреть. Дед еще любил с ними общаться. Да и Бесков тоже сживал.

Временами база напоминала проходной двор, нельзя было только в жилой корпус зайти. Считалось, что народная команда должна быть доступной для народа. Заборы появились уже при Романцеве. Но, может, и правильно. В 1989 году, уже при нем, какие-то уроды

нам целую ночь спать не давали. Где милиция была, не знаю, но наутро мы увидели, что они все скамейки поотрывали на стадионе.

Так вот, захожу я как-то в бильярдную и вижу там Гаврилова. Он здорово играл в бильярд еще с «Динамо». Я тоже поигрывал. Не могу сказать, что хорошо, но по шарам попадал и с Гавриловым даже соревновался.

Начали играть. И вдруг ни с того ни с сего Боря Поздняков стал меня подкалывать. Раз пошутил, два пошутил, и все как-то неприятно. А я это страшно не любил. Подумал, с какой это стати какая-то шпана позволяет себе шутки в мой адрес? Виду не подал, но когда закончили играть, пошел вслед за Поздняковым.

Поднимаемся к себе на третий этаж. Захожу за ним в его комнату, закрываю дверь на ключ и говорю: «Ну что ты выступал? Запомни раз и навсегда: еще раз вякнешь, будут проблемы со здоровьем. Это я тебе обещаю. А если Морозов или Дасаев будут за тебя заступаться, тоже получают. Я это организую. Тебе хоть сейчас могу вломить».

Он испугался, хотя и с гонором был. Неприятный тип! Но как игрок был сильнее и Морозова, и многих. Обладал хорошей техникой. Может, поэтому и позволял себе шутить. Со мной, однако, его шутки не проходили.

Я не любил работать с Морозовым и Поздняковым. Бывало, придут на тренировку после попойки и, как только Бесков отвернется, сразу дурака начинают валять. А зачем бегать по жаре? По сути дела они мешали тренироваться в полную силу. Это были не Родионов с Черенковым, не Гаврилов, которые могли работать в любом состоянии. Эти сачковали. Бесков знал, что у нас неважные отношения, и даже ставил меня в другой «квадрат» на тренировках. Понимал, что я могу кому-то из них врезать.

Морозов в принципе был неплохим парнем и после одного конфликта в Германии даже приходил ко мне извиняться. Мол, что это я завелся на ровном месте? Но на него плохо влиял Поздняков. Думаю, Морозов добился бы большего, если бы не попал в его компанию.

Из комнаты Позднякова я отправился к Бескову. Шел и думал, что в «Спартаке» меня вряд ли ждет спокойная жизнь. Даже несмотря на то, что в команду меня пригласил сам главный тренер. О моем походе к Бескову никто тогда так и не узнал. Если бы узнали, наверняка обвинили бы в стукачестве. Но я всегда считал, что в команде должен быть порядок и полная открытость в отношениях с тренерами. Ничего не надо скрывать. Можешь сказать в лицо, скажи, не таи. Исподтишка не бей.

Захожу к Бескову: «Константин Иванович! Я Позднякова предупредил. Но если начну его на поле бить, не удивляйтесь». Стою, молчу. А дальше произошло то, чего я вообще не ожидал. Бесков говорит: «Давай, а я тебя поддержу».

Потом, когда анализировал слова Бескова, догадался, что в «Спартаке» все ой как не просто было. Неформальным лидером считался Дасаев. До него был Романцев. Все, что Дасаев потом творил, происходило и при Романцеве. Так же собирались, так же пили. Федор Сергеевич Новиков объяснял, что Романцев таким образом сплачивал коллектив, учил жизни тех, кто был моложе. А когда он ушел, его место занял Дасаев.

Впрочем, Романцев не сам ушел, Бесков его убрал по подозрению в договорных играх. Сначала в Вильнюсе, а потом в Минске, когда из-под Романцева голы забивали. Новиков рассказывал мне, что после Вильнюса Романцев и еще несколько игроков попались на пьянке. Так что травма Романцева – это все разговоры. Из «Спартака» его убрали из-за пьянок и «договорняков».

Бесков понимал, что таких, как Романцев, держать не надо. Что это опасно. Что это разъедает коллектив, сказывается в конечном счете на игре. И он их потихоньку убирал. Но проблема была в том, что и Романцев, и Дасаев были одного поля ягоды. Друзья. Одного

убрал, но второй-то остался. И парадокс заключался в том, что без Романцевых и Дасаевых Бесков не мог обходиться!

Бесков создал культ личности Дасаева в команде.

Сделал капитаном, хотя раньше вратарей-капитанов не было. Дасаев за счет своего авторитета помогал ему держать команду в определенных рамках. Бесков часто говорил так: «Что касается тренировочного процесса, функциональной подготовки, я все сделал. Остается психология. И здесь все зависит только от вас. Конечно, я помогу, но если вы сами не соберетесь, ничего не получится».

Он любил показывать кулак и говорить, что, когда пальцы растопырены, их по одному можно сломать. А когда кулак сжат, это сила. Ему нужно было идею единства и общей цели через кого-то проводить. И он выбрал Дасаева. Так, во всяком случае, мне со стороны виделось. И это был далеко не лучший вариант.

* * *

Бесков повторял в конце установок: «Я все сказал. А вы теперь сами соберитесь, договоритесь и поклянитесь друг другу». Он уходил, Дасаев вставал, и начиналось. Особенно перед матчами с киевским «Динамо».

Для Бескова эти игры были главным тестом. В Киеве почти никто не выигрывал, там был ад и в прямом, и в переносном смысле. Уже тогда орали «москалии», уже тогда ненависть была. Почему-то именно к «Спартаку» было такое резко негативное отношение. Правда, и спартаковских болельщиков в Киеве хватало. Когда с «Динамо» приезжал, было по-другому. Стадион всегда битком, все орут, ругают нас. Меня эта ругань воодушевляла, а не подавляла, как те, кто орал, возможно, думали.

Дасаев и компания начинали к матчам с Киевом готовиться за месяц. Прекращались пьянки, гулянки, даже курили меньше. Не то чтобы Дасаев их контролировал, просто не собирал. И, как правило, в Киеве мы удачно играли. За семь лет, что я провел в «Спартаке», только однажды уступили 1:2. Как раз в дни чернобыльских событий.

Я тогда ночью очень плохо спал. Мы думали, что черные тучи на горизонте – это дождевые облака. На самом деле это пыль из Чернобыля тянуло. А может быть, мы это потом сами себе придумали, потому что от столицы Украины до Чернобыля было больше 80 километров.

* * *

Защитник ростовского СКА Александр Андрющенко мне рассказывал, как «Спартак» стал чемпионом в 1979 году. Тогда ростовчане в последнем туре сдали ему матч, проиграв дома со счетом 2:3. Бесков догадывался, что игроки между собой могут договориться. Сам он участия в этом не принимал. Но тогда ситуация сложилась так, что «Спартаку» во что бы то ни стало надо было победить, потому что в случае поражения его мог настичь «Шахтер», который в итоге отстал на два очка.

«Спартак» выиграл чемпионат СССР спустя всего два сезона после возвращения из первой лиги в высшую. А следующего чемпионства пришлось ждать восемь лет.

Договорным был и матч с минским «Динамо», которому «Спартак» сдал игру в последнем туре (3:4) в 1982 году в пику своему злейшему врагу, киевскому «Динамо». Оно тоже претендовало на первое место, но в итоге отстало на одно очко.

Любому тренеру важно побеждать. Бесков в этом смысле не был исключением. У него была информация, что игроки помогли минчанам. И он постоянно об этом напоминал.

Но здесь было хотя бы оправдание: помогли минчанам, чтобы Киев не стал чемпионом. В «Спартаке» они не боялись договариваться, потому что понимали, что в подобных случаях, как со СКА и Минском, Бесков закроет на все глаза.

Другое дело – случай с «Жальгирисом», когда Дасаеву и его компании предлагали сдать матч за деньги. Узнай об этом Бесков, был риск вылететь из команды. Но фактически Бесков был зависим от Романцева, Дасаева и им подобных. Пусть и не на 100 процентов. И он понимал, что Дасаева, как Романцева, убрать не может, потому что с годами Дасаев приобрел почти такую же репутацию, как Яшин. К тому же за ним стояла почти вся команда.

Как с ними бороться? Если восстанут, все, конец.

А Бесков этого боялся, потому что футбол был смыслом его жизни. Он наверняка не забыл тот случай, когда его ведущие игроки убрали его из «Торпедо».

Каких-то увлечений или хобби я за ним не замечал. Севидов любил шахматы и очень хорошо в них играл. И Качалин любил шахматы. А Бесков говорил игрокам: «В шахматы не играйте. Когда часами сидите за доской, у вас ноги начинают опухать». Я, когда это слышал, про себя думал: «А когда мы на разборе у тебя сидим по пять часов, у нас вообще все опухает!»

Тем не менее на базе в Тарасовке шахматы стояли в комнате отдыха. Бесков считал, пусть лучше у всех на виду в шахматы играют, чем по комнатам в карты на деньги.

В его комнате стояло много книг – и специальная литература, и художественная. Благодаря жене Валерии Николаевне, выпускнице ГИТИСа, он знал очень многих людей из мира искусства. Часто бывал в театре, любил балет. Дружил с известным иллюзионистом Игорем Кио и знаменитым хореографом Юрием Моисеевым. Был в близких отношениях с великим балетмейстером Юрием Григоровичем, у которого даже позаимствовал немало ценного для себя как тренера.

Бесков считал, что есть много общего в занятиях танцоров балета и тренировках футболистов. Но команду по театрам Бесков, в отличие от Лобановского, не водил. Самим, правда, ходить не запрещал. И чтобы мы уж совсем дураками не были, приглашал артистов в Тарасовку. Но это случалось не часто. В основном сидели взаперти на базе и слушали разборы Бескова во время теоретических занятий.

Бесков очень поощрял вечерние прогулки. Он сам после ужина выходил на один из маршрутов по Тарасовке. Там были удобные дорожки и живописная природа. Бесков гулял обычно один не только вечером, но и по утрам.

* * *

Благодаря Бескову Дасаев в команде чувствовал себя царем и богом. Такого культа личности, как у Дасаева, я не видел нигде. А всего-то прошло четыре года после Спартакиады народов СССР, где он был дублером у Владимира Пильгуй в сборной Москвы, которой руководил Бесков. Стоял в какой-то задрипанной майке, чуть ли не в дырках. И вел себя совершенно по-другому, не так, как в «Спартаке» в середине 80-х. В одном из матчей Пильгуй напортачил, и Бесков стал ставить Дасаева, который заканчивал победную для сборной Москвы спартакиаду уже в качестве основного вратаря.

Когда я пришел в «Спартак», Дасаев, после мирового первенства в Испании, считался одним из лучших вратарей мира. Но Бескова он все-таки еще побаивался и правила, установленные главным тренером, соблюдал. Например, Бесков всегда сам распределял игроков по номерам в гостинице. Случайно оказаться с кем-то в одном номере ты не мог, в отличие, скажем, от «Динамо», где можно было селиться с кем хочешь.

Говорят, футбол – это жизнь, которая выплескивается на поле в битве по мячу. Поэтому человеческие отношения очень важны, и Бесков им предавал огромное значение. Я в Тарасовке сначала жил с Гавриловым. На выездах в гостиницах Бесков частенько селил меня с Дасаевым. Он даже купе расписывал в поездах, и возразить было нельзя.

Рот иногда пытался раскрыть Дасаев, но и ему Бесков отвечал, что он 50 лет в футболе, и потому Дасаев может рот закрыть. Иногда ответ был крайне лаконичным: «Помолчи!» Продолжать Бескову не требовалось, потому что все понимали, если не будешь молчать, очень скоро в «Спартаке» тебя не будет.

Вот все и молчали. Говорить можно было только в тех случаях, когда он задавал вопрос. Да и то, нужно было тщательно подбирать слова, не дай бог, ляпнешь то, что не понравится Бескову.

Но было, конечно, что возмущались. Однажды мы сидели с Дасаевым на установке перед матчем в Минске. Я всегда внимательно слушал установки Бескова. Но беда была в том, что он, как правило, говорил похожие вещи. И очень долго и нудно. Дасаев не выдержал и произнес шепотом: «Сколько можно! Одно и то же!»

У Бескова был музыкальный слух. Даже шепотом что-то скажешь, а он все слышит. По губам, по мимике читал!

После установки Бесков вызвал меня к себе. «Передай этому придурку, чтобы во время установки его больше не было слышно! И никогда его не слушай».

Вот вам и любимец! С одной стороны, Бесков создавал в команде культ личности Дасаева, с другой – ни его, ни кого другого близко к себе не подпускал. Самыми близкими людьми для него были жена Лера, которая могла ему как угодно голову морочить. И Федор Сергеевич Новиков, которого он, правда, когда слушал, а когда нет. И хотя любители нашептать ему что-то на ухо находились всегда, серьезно он никого не воспринимал.

Федора Сергеевича Новикова Бесков использовал, но нередко давал понять, что тот никто и звать его никак. Когда в «Спартаке» не стало Гаврилова, возник вопрос, куда ставить Федю, который при Гаврилове чаще играл на фланге. Здравый смысл подсказывал, что в центр. Но там Федя конкурировал с молодыми Мостовым и Шалимовым. Мост мог играть и на фланге, и под нападающими, Шаля лучше смотрелся под нападающими. Вдобавок Шалимов был своим воспитанником. И Бескова заклонило: он не знал, что делать. А Федор Сергеевич ему нашептывал, что Федю надо ставить на фланг.

Константин Иванович, который понимал, что на фланге у Феди будут проблемы, не нашел ничего лучшего, как обсудить вопрос на занятии по тактике.

Спрашивает меня: «Где лучше играть Черенкову – в центре или на фланге?»

Отвечаю: «Феде лучше играть в середине. Он – диспетчер. Может отдать вперед, назад, поперек. Может сам забить. А кому он на фланге будет отдавать? Болельщикам? И самое главное: на фланге ему нужно будет за хавом бегать. А если он бегать не будет, нас начнут рвать. Кроме того, он головой играть не умеет. Какой толк от него в своей штрафной?»

Пауза. Бесков поворачивается к Новикову и говорит: «Вот видите, Федор Сергеевич, Бубнов в футболе разбирается, а вы – нет».

В команде Федора Сергеевича ненавидели, и, думаю, многие мысленно Бескову поаплодировали. А Новиков покраснел, голову опустил.

Конечно, Бесков мог меня отдельно спросить. Но решил это сделать при всех, чтобы Федора Сергеевича на место поставить.

Идем после собрания на тренировку. Вдруг слышу, как Федор Сергеевич своему протеже Олегу Кузлеву говорит: «Буба ничего не понимает. Вот увидишь, Бесков не его, а меня послушает».

Я не выдержал и довольно громко ему говорю: «Слышь, ушастый! Еще скажешь что-то против меня, будут проблемы. Я-то при чем? Меня Бесков спросил, я ответил».

А у Бескова был открыт балкон. Он нашу перепалку услышал и говорит: «Федор Сергеевич! Оставьте Бубнова в покое».

Думаю, после этого Федор Сергеевич лучше ко мне относиться не стал.

Не случайно у Бескова было прозвище Барин. С ним нельзя было, как с Севидовым, который называл меня по имени-отчеству – Александр Викторович, поговорить по-человечески. Для Бескова я был Бубой. Все это воспринимали, правда, как знак доверия, хорошего отношения. Я был не против прозвищ, Буба так Буба. Это в какой-то степени сближало. Но чуть что не так, я сразу становился Бубновым.

Бесков работал на контрастах. Еще Алексей Габрилович, который в 80-е снял прекрасный документальный фильм о Бескове, эти контрасты замечал и сильно возмущался. Когда жена Бескова Лера увидела фильм, названный «Невозможный Бесков», то потребовала запретить показ, хотя съемки велись по ее инициативе. Габрилович тогда ей резко ответил и сказал, что у него достаточно связей, чтобы добиться разрешения. И победил, хотя у Леры, которая в свое время дружила с Галиной Брежневой, тоже были связи в верхах.

Бесков прекрасно понимал, что Дасаеву нужен противовес, чтобы ограничить его власть над игроками. Но кого бы он ни приглашал в команду, все попадали под его влияние. Дасаев быстро принимал новичка в свою компанию. Водка, девочки – и вот человек уже свой. А если не свой, играть, может, и будешь благодаря Бескову, но будут проблемы.

Меня Дасаев побаивался. Во-первых, из «Динамо» я пришел уже авторитетным футболистом. Во-вторых, был на два года старше. В-третьих, мог элементарно по морде съездить. Дасаев мой характер знал еще по сборной и потому понимал, что я шутить не привык.

В тот год, когда мы выиграли Спартакиаду народов СССР, «Спартак» стал чемпионом, а «Динамо» дошло до финала кубка страны. В сборную Москвы из «Спартака» попали Дасаев, карьера которого пошла вверх собственно после спартакиады, Черенков, Гаврилов, Хидиятуллин, Шавло, Сидоров, Самохин и Сорокин. Было также семь человек из «Динамо» и по одному игроку из ЦСКА, «Торпедо» и «Локомотива».

Романцева Бесков не пригласил. И он тогда был в шоке. Как так: капитан «Спартака», и в сборную не попадает! То есть Бесков считал, что Самохин сильнее Романцева. Кстати, капитаном сборной стал Маховиков, которого Бесков знал еще по «Динамо». В центре обороны тогда играли Хидиятуллин, Сергей Никулин и я.

Спартакиаду мы выиграли, а в финале два гола забил Александр Максименков из «Динамо». То есть динамовцы внесли весомый вклад в победу. Поэтому когда я пришел в «Спартак», авторитет у меня уже был. Во всяком случае, так просто на меня наехать было невозможно.

Бескову я был нужен не только как игрок, но и как оппозиция Дасаеву и всей его очень дружной команде. Он видел, что она уже куда-то не туда катится. При этом в 1983 году в «Спартаке» уже не было Хидиятуллина, который вместе с Дасаевым, тоже татарин, создавал абсолютно неуправляемую связку. И тот, и другой были ведущими игроками. Что хотели, то и делали. Для любого тренера такие связки – серьезная проблема. За примерами далеко ходить не надо. Не захотели питерские футболисты видеть в «Зените» Лючано Спаллетти и сплавили его назад в Италию!

Проблема поиска противовеса возникла еще в 1979 году после того, как «Спартак» стал чемпионом СССР. Бескову стало намного тяжелее управлять командой. Поэтому после этого ничего в чемпионате выиграть не могли, а в кубках вообще проваливались.

Одно время Бесков рассчитывал на Александра Мирзояна, центрального защитника, который не поддавался ничьему влиянию и цементировал оборону. Но не получилось. Почему Бесков в 1980 году Жору Ярцева убрал? Потому что хотел ослабить группировку Дасаев – Романцев – Хидиятуллин – Ярцев. И главными в ней в то время были не Дасаев с Хидиятуллиным, а Ярцев с Романцевым.

Жора был хитрованом. Он уже тогда словно чувствовал, что Романцев далеко пойдет, и всячески перед ним заискивал. Мы все трое жили в Сокольниках, и как-то я решил зайти к Ярцеву познакомиться. В «Динамо» дела шли плохо, я собирался в «Спартак» и потому надеялся прощупать ситуацию.

Познакомились. Ярцев предложил пойти к Романцеву. Поздоровались. А дальше Романцев всем по стакану водки налил! Я говорю: «Не пью». А Романцев залпом выпил! Хорошее знакомство получилось. И ситуацию прощупал...

Только потом я понял, почему Бесков себя так вел по отношению ко многим игрокам. Со стороны казалось, что незаслуженно жестко. Некоторых он постепенно убирал. Например, вместо Романцева стал вводить Морозова. И бесковские чистки были не просто так, не от самодурства, как сегодня многие пытаются представить. Жаль, сам Бесков не оставил после себя записок, в которых бы объяснил причины тех или иных поступков.

В итоге Бесков нашел противовес команде Дасаева в моем лице. Он знал, что я никого не боюсь. Поэтому и сказал, что, если я вломлю Позднякову, он поможет! Ему даже понравилось, что я повел себя так. Бесков знал и то, что я и в «Динамо» особняком держался. На меня никто голос поднять не мог, в том числе ни Владимир Пильгуй, ни Михаил Гершкович, ведущие игроки. А футбольный мир тесен, все друг о друге всё знают.

* * *

Когда первый мой сезон в «Спартаке» закончился, мы поехали всей командой отдыхать в Кисловодск. Выезд организовал Дед. Игроки жили в одном санатории, а Бесков вместе с Лерой – в другом, элитном, который назывался «Красные камни». Он этот санаторий любил и часто приезжал туда с женой.

Отдых всей командой! На моей памяти такого никогда не было. Помню, вместе с нами в Кисловодск поехал журналист Леонид Трахтенберг, который подробно описывал, как дружная команда «Спартак» отдыхает в Кисловодске, играет в дыр-дыр, принимает целебные ванны, плавает в бассейне и гуляет на банкетах.

Внешне все было благопристойно, на вечеринках никто не напивался. Но когда все уехали в Москву, в Кисловодске остались Валерий Гладилин, Сергей Базулев и Владимир Сочнов, который тоже оказался любителем выпить. Рассказывали, что они-то душу отвели! Я летел в Москву самолетом, а большинство ехало поездом. Когда их провожал, поразился, сколько водки они взяли с собой в дорогу, хотя ехать предстояло чуть больше суток.

На отдыхе Бесков мне часто звонил из «Красных камней» и предлагал прогуляться на Малое или Большое Седло: «Саша! Выходи, я через пять минут у вас буду». До Малого Седла было несколько километров, до Большого – в два раза больше, поэтому по пути мы успевали о многом поговорить. О жизни, но больше о футболе. Как я его понимаю, как к нему отношусь.

Зачем Бесков со мной разговаривал? Он уже тогда меня прощупывал, хотел знать, чем дышу. У Бескова и так было много информации обо мне, в том числе отрицательной, которая шла от моих недоброжелателей. Но здесь он имел редкую возможность самому разобраться, что я за человек. Порой мне казалось, что он относится ко мне как Севидов, которого я считал

вторым отцом. И только намного позже понял, что это была ловушка. Что никакой Бесков не отец, а просто хочет понять, как лучше меня использовать.

Я ему был нужен в качестве исполнителя его воли. Теплых же, человеческих отношений, таких, как с Севидовым, у нас так никогда и не возникло. Когда я это понял, очень сильно расстроился. А Бесков, думаю, тогда убедился, что наивного Бубу вполне можно будет использовать в своих целях, когда придет время.

Бесков любил придумывать противовесы.

Еще до меня из «Зенита» в «Спартак» перешел Сергей Швецов, универсальный футболист, способный играть чуть ли не на любой позиции. У него была очень ушлая жена, которая быстро втерлась в доверие к жене Бескова Лере.

Отношения стали настолько близкими, что она чуть ли не домой к Бесковым ходила. Я тогда уже тренировался со «Спартаком», но еще не играл. Однажды после тренировки сидим в автобусе. Вдруг врывается Дасаев и начинает поливать жену Швецова матом, обещает отрезать язык, если она еще кому-нибудь что-то расскажет. Швецов, подкаблучник, сидит молчит. Оказывается, жена Швецова докладывала Лере все, что узнавала от мужа о происходящем в команде. А Швецов был вхож в компанию Дасаева. Лера же, в свою очередь, все рассказывала Константину Ивановичу. И когда Бесков устроил очередной нагоняй Дасаеву, тот понял, откуда он получал информацию.

А в автобусе получилась очень некрасивая сцена.

Но одно дело получать информацию и знать все обо всех, и другое – иметь противовес. Бесков это прекрасно понимал. В один из дней, когда я еще только начинал тренироваться со «Спартаком», но еще не играл, меня вызвал к себе Бесков: «Сегодня поедешь в ЦК партии на собрание команды».

Причиной, по которой нас хотело видеть партийное руководство, был плохой старт сезона. В тот момент «Спартак» шел на предпоследнем месте, было много вопросов по составу, и потому Бесков ходил туча тучей, весь в тяжелых раздумьях.

И вот Бесков говорит мне: «Поедешь к Роганову». Роганов был инструктором ЦК, отвечающим за спорт, и болельщиком «Спартак». Периодически он приезжал на собрания команды. А тут к себе вызвал. Думаю, я-то с какого хрена еду на собрание в ЦК? Я же не играю. Но никто рта не раскрыл, чтобы спросить, почему это Буба едет на собрание.

Привозят нас на Старую площадь. Состав был такой: Дед, Дасаев, Гаврилов, Родионов, Черенков и я. Кто-то, может быть, еще, но этих я точно запомнил. Странное было собрание. Сразу заговорили о том, что Бескова пора снимать. И тут я понял, зачем Константин Иванович послал меня на это собрание. Он понимал, что я его не сдам. Я и не мог сдать, потому что Бесков был одним из немногих, кто меня поддерживал в тяжелые времена разрыва с «Динамо». И сам звонил, и Лера звонила, понимая, насколько мне тяжело.

Как же все поперли на Бескова! Я даже обалдел, но сижу и наблюдаю. Наиболее активно вел себя Дасаев. Остальные не отставали. Я поразился – полное единодушие. Думаю про себя: «Вот попал так попал! Пришел в дружную команду!» Уже в 1983 году обстановка в «Спартаке» была накалена до предела. Я-то думал, здесь спокойно, а оказалось, еще хуже, чем в «Динамо».

Всех опросили. Общее мнение – надо убирать. А я везде, и в «Динамо» тоже, никогда не отмалчивался. Мог бы, конечно, сказать на том собрании, что ничего, мол, не знаю, только пришел в команду. И никто бы мне претензий не предъявил.

Подходит моя очередь, и Роганов спрашивает: «А какое твое мнение?» Если бы я ответил, что мнения не имею, потому что за «Спартак» еще ни одного матча не сыграл, он бы мог

спросить, зачем тогда я приехал на собрание. Возникла бы идиотская ситуация. Но Роганов, по-видимому, все заранее обговорил с Бесковым.

Нужно было что-то ответить. А что именно? Опять я оказался в ситуации, когда надо было принимать решение в считанные секунды. Ляпнешь что-то не то, и тебе конец!

Но мне все-таки было уже 27 лет, жизненный опыт, какой-никакой, имелся. И я спросил: «А кого вы можете предложить вместо Бескова?» И в ответ тишина. Бескова снять хотят, а предложить никого не могут!

Это сегодня Леонид Федун может единолично решение принять, а тогда все с профсоюзами и ЦК партии нужно было согласовывать. Бескова на пост главного тренера «Спартака» тоже не Старостин утверждал. Его из «Динамо» в командировку в «Спартак» направили. Поэтому и снять его не так-то просто было! В ЦК сидели неглупые люди. Они тоже задумывались: «Хорошо, снимем. А кого вместо него поставим?» И когда я это спросил, получилось, что я вроде и не против смены тренера, но и не против Бескова. К тому же правильный вопрос задаю.

Гробовая тишина. Ну, если тренера снимаете, должны же знать, что дальше делать! Кто в данной ситуации Бескова заменит, и с какой мотивировкой его снимут? А до этого Гаврилов с Дасаевым сморозили, мол, Бесков сам пьет и к нам придирается, что мы пьем!

Затем слово взял Роганов: «Раз не знаете, кого ставить вместо Бескова, лошадей на переправе не меняют». И они умылись, потому что сказать в ответ было нечего.

Дасаев тогда первый раз репу зачесал. Как это так: Буба Бескова поддержал? Нет чтобы сказать, как все, что надо его убрать. А чего Дасаев ожидал, если в «Спартак» меня Бесков пригласил? То собрание подготовил Дед. У Деда был повод – команда шла в конце, и был шанс избавиться от Бескова. А Бесков меня, как джокера, достал из колоды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.